

Брат махнул рукой, и толпа расступилась, пропуская их внутрь крепости, по деревянному настилу через вал, к близкой деревянно-каменной пристройке, куда доставляли горячую и холодную воду, подогревая ту от печи рядом с кузней.

— Давно он такой? — спросил Баки у Джека, когда они зашли внутрь строения и заперли дверь. Пахло сыростью и смолистым деревом, вдоль стен стояли лавки, у входа — пара пузатых бочек с горячей водой, на скамеечке чуть поодаль лежали перевёрнутые корыта и долблённые ковши для воды, да куски мыльного корня. Волчица улеглась тут же, под дверью, то ли устраиваясь караулить, то ли не желая возвращаться наружу под взгляды любопытных людей.

— Джон-то? — понятно переспросил Джек. — Да давненько. Кажется, как свадьбу перед Самхейном сыграли, так ему башку и снесло. То одно придумает, то другое. Ох...

До него вдруг дошло, что про свадьбу брата он Баки рассказать забыл.

— Свадьбу?

— Твой отец настоял, когда слёг. Сказал, что Джон обязан жениться и принять все дела, пока тот жив. Что он хочет увидеть его избранницу. Джон уезжал с небольшим отрядом на восток почти на одну луну и вернулся с невестой. Не рассказывает, откуда он её привёз. Но по виду — ирландских кровей. Светлая, как подснежник. И глаза голубые, как...

«... холодный горный ручей», — подумал про себя Баки, повторяя слова Джека.

— Совсем девчонка ещё, правда. Только-только перед свадьбой шестнадцать весен исполнилось. Леди Виннифред всё проверяла, не понесла ли она. Но пока признаков нет. Твой отец мечтает дождаться внука.

Баки рассеянно кивнул, неловко развязывая пояс, сматывая свой килт и стягивая лейне, оставляя грязную одежду лежать неопрятной кучей в углу. Он знал, что потом мать пришлёт девиц, что позаботятся об его одежде — обязательно унесут к самому глубокому ручью, чтобы пропустить через текучую воду, а сушить повесят над очистительным огнём. Так всегда поступали с одеждой, которую после похода сжечь было жалко.

Вдруг он почувствовал, как Джек с силой схватился за его плечо и развернул к себе. Внутри умывальни под потолком на кованых цепях в чаше горел жировик, шипел, но всё же давал достаточно света. Вопреки ожиданиям и зарождающемуся гневу, Джек смотрел не на его шрамы на культе, до этого момента скрытые рукавом лейне. Он смотрел на вязь родового рисунка, набитого Баки на груди, плече и когда-то переходящего на руку до самой кисти, — на руку, которой больше не было. Такая же вязь была у его брата, отца, деда и прадеда — все мужчины Баарнсов носили этот рисунок — знак своего рода. Остатки линий на плече и груди Баки ничего больше не значили.

— Я говорил, что умер тогда. Я больше не Баарнс.

Джек ничего не ответил, только крепко и коротко обнял, жёстко хлопнув по спине:

— Прекрати нести чушь. Ты всегда будешь Баарнсом. С рукой или без — кому какое дело?

— С двумя руками было привычнее, но я и одной тебя уделаю, — посмеивался Баки, выкручиваясь из объятий. Он знал, что на Джека можно положиться. Его то грубоватая, то неожиданно нежная поддержка разбивала Баки сердце. Куда проще считать всех врагами.

— Ты уж сильно своим стальным кулаком не махай, — хмыкнул Джек и направился к шайкам и ковшам, наполнить их водой.

— А если и надо будет, буду махать. Не остановишь, — предупредил Баки.

— Не остановлю, — покладисто согласился Джек. — Но хотя бы попытаться должен. Тебе вымыться помочь?

— Сейчас в глаз дам.

Так, препираясь и переругиваясь, они отмыли дорожную грязь и даже окатили остывающей водой волчицу, которая подпрыгнула на месте и так на них уставилась, что Баки думал, кинется и съест. Но не съела — только встряхнулась как следует, окатывая их грязными брызгами. Выругавшись, пришлось обмываться остатками воды снова.

Одетый в чистое лейне и принесённый килт, подпоясанный кожаным поясом с топором, Баки вошёл в чертог. Тут всё было по-старому, только теперь над головой были не своды потолка, а деревянный настил второго этажа, впрочем, довольно высоко над головой. Огромный очаг был разожжён, над ним крутили тушу барана. Джон стоял неподалёку, следя, как быстро накрывают на стол, и первым увидел его.

Баки не знал, как брат встретит его. Не смотря на родство, они никогда не были особо близки. Брата учили наукам, буквам и счёту. Урокам ведения боя он уделял намного меньше своего времени. Баки же не вылезал с ристалища, да и жить сбежал в казармы сразу после того, как ему позволено было носить своё оружие. Когда прошёл испытание боем.

Но, удивив его, Джон стремительно подошёл ближе и сгрёб его в сильные медвежьи объятия. Он был почти на голову ниже, но в два раза шире его. Не рыхлой, а крепкой мужской шириной. Он не был гибким и быстрым, как Баки, но был довольно сильным, чтобы управляться огромной булавой, если это было нужно.

— Я рад, что ты жив, брат, — сказал он куда-то ему в плечо. — И что ты вернулся. Рыжая ведьма оказалась права, — и он похлопал его по спине руками.

— Я тоже рад тебя видеть, — сдержанно, но искренне ответил Баки. Ему очень хотелось

расспросить брата и про ведьму, и про своего друида. Но он знал, что сейчас не время и не место. И, возможно, совсем не Джона надо обо всём спрашивать. — Как отец?

— Ещё почивает. Поднимись к нему, пока не сели за стол. Мать сейчас тоже наверху. Она ждёт тебя.

Конечно, думал Баки. Они не могут проявить чувства на виду работников и слуг. Это не принято. Те и так косились на него, и хоть и не замирали столбами посреди чертога, но всё же боялись даже краем одежды его задеть. Баки было всё равно. Работники в крепости менялись часто, каждый сезон — чтобы не надоедать хозяевам и всем дать возможность заработать немного монет, которые можно спустить на летнем торгище в Пертшире. После Лугнасада со всех низких и высоких земель туда тянулись обозы с товарами и скотом, с лишним обмолоченным зерном, с тканями и шкурами, добытыми за лето — и каждый мечтал попасть туда с повозками, что отправят из Дандарна.

<http://erolate.com/book/3459/83664>